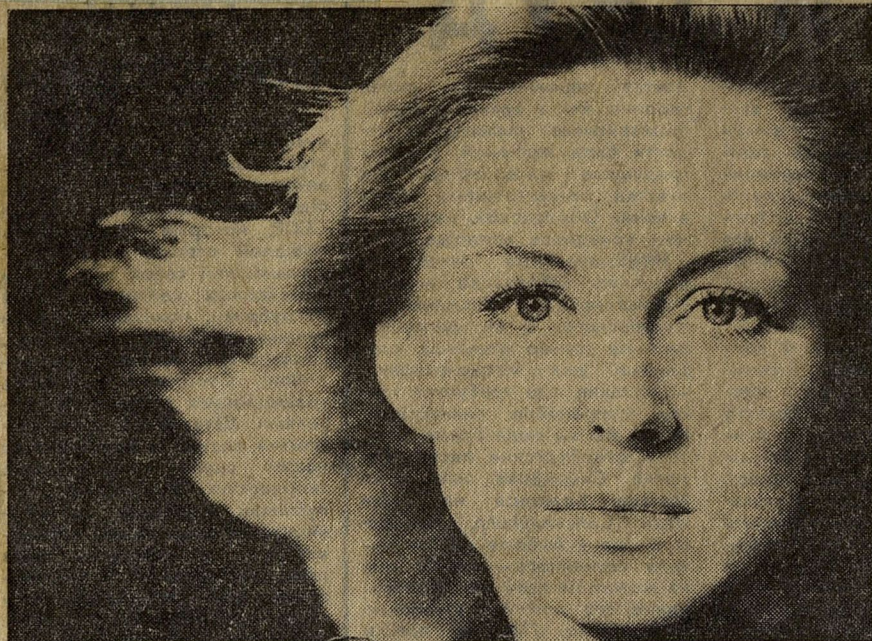

люди искусства

● Лариса
МАЛЕВАННАЯ

Алиса
ФРЕЙНДЛИХ ●

● Наталия
ТЕНЯКОВА

ОДНА ОБЩАЯ ПОВЕСТЬ

Ю. СМЕРНОВ-НЕСВИЦКИЙ

Их можно любить сильно или не любить совсем. Так, словами из одной пьесы, скажу о трех актрисах... Каждая из них выражает свое поколение и свою заветную тему очевидно и своеобразно. Одна — Алиса Фрейндлих — явилась с лукавой песенкой о том, как «это все интересно». Другую — Наташу Тенякову — вижу наблюдающей жизнь словно бы со стороны. С милой ворчливостью и обаятельной хрипотцой в голосе повторяет: «Вот еще, интересно, а что интересно, что?» И наконец — Лариса Малеванная. Произносит то же самое серьезно и очень просто: «А действительно, интересно...»

Так они идут по стране чувств, с изучающим взглядом подходят к людям. И непохоже, по-разному очарованы миром.

В запутанных коридорчиках Ленинградского театрального института тогда еще жила доморощенная песенка:

Дорогая Моховая,
Против Тюза — серый дом...

В сером доме на Моховой в 1957 году шел прогон студенческого спектакля. И вот тогда-то в тесное пространство, ограниченное ретиничными кубами, белым перышком влетело невесомое певучее создание. Это и была Алиса Фрейндлих.

Бывают времена в театре, когда меняется тип игры. Алиса нарушила представления о героинях — статных красавицах. Брошен был вызов и рассудочности в игре — девушки Фрейндлих стали непринужденно скользить по сцене, сиять в акварельных красках. А за всем этим угадывались серьезные нравственные искания молодежи пятидесятых годов.

Певучие, обаятельные девочки Алисы Фрейндлих и сегодня едут в трамваях, автобусах, задумчиво прислонившись к стеклам окон, и «про себя» напевают:

Руку мне дай, помоги
мне, пожалуйста,
Хочу на радугу влезть я
и по ней пройти...

А после в песенках набегала дымка. И драматичнее стали судьбы героинь.

В женской судьбе она раскрывает движение от счастья... к счастью, но уже к иному, не похожему на прежнее, босоное. Сначала ее хрупкие создания открывают щедро нам свои душевные богатства. Является Джульетта с белыми длинными волосами. С шутилкой благопристойностью раскланивается, а сама вот-вот умчит играть в горелки, догонялки. А из горелок ворвется прямо в любовные признания, протянет ладони к Ромео, как знак неистраченной юности, будет тянуться к нему сквозь прутья решетки, словно к живой удивительной игрушке, с диковатой радостью. Так и была поставлена эта сцена в «Ромео и Джульетте» Игорем Владимировым, создателем почти всех спектаклей, где играла и играет Фрейндлих.

Ее героинь однажды обязательно кто-нибудь обижает. Они встречаются с молодцами, «содержательными» мужчинами, внутренне эгоистичными и самолюбивыми. Такова ситуация в «Тане», и в спектакле «Мой бедный Марат», в «Варшавской мелодии», даже в «Пигмалионе» и «Укрощении

строптивой» — всюду, где играет актриса.

Таня, расставаясь с Германом, будто падающая птица, движется, кружится медленно-медленно по комнате, пытаюсь удержаться, не упасть. Уходит от него, от его измены, навсегда, потрясенная, серьезная, в курточке-коротышке, в смешном беретике.

Но дорого обходится это самолюбивым обидчикам. Проходит время, и молодая женщина оказывается «на породе» выше их и нравственно, и талантом. В детской стране горелок девочки защищаются своей способностью дразнить и кривляться. А в женщинах Фрейндлих тоже пробуждается ироническая злится, появляются стойкость. Они могут потерять любимых, лишиться многого, но не изменяют себе. Вот недавно Фрейндлих сыграла в «Человеке со стороны», и как-то враз обтажились, какой серьезный путь творческих и житейских испытаний претерпела личность этой актрисы за последние годы. Это, быть может, и помимо боли актрисы, считалось в ее игре.

Есть сверхчутые жизни у героини Фрейндлих даже в неприятательной комедии «Двери хлопают», где актриса играет такую легкомысленно рассеянную и трогательную маму. Но она, какая бы ни была, тоже со своим миром. Узнаешь Фрейндлих, актриса педантично верна себе.

Лирическая героиня Алисы Фрейндлих завоевала свободу в области чувств. Каждый эту область открывает для себя заново. И поэтому нужны другие художники, с другим опытом или без опыта, которые вновь пройдут тот же путь на наших глазах.

И это делает Наталия Тенякова. В другом возрасте. В других ролях. Из другого поколения. Тенякова раскрывается в спектаклях Георгия Товстоногова.

Всюду ей поручали роли, где надо показать душевные невзгоды, противоречивые желания. Она нашла себя в классике, в современной пьесе, в фильмах. Но мне, как зрителю, особенно любопытна одна вариация в ее игре. Существует такая категория людей, пребывающих вечно в меланхолическом состоянии. Стоят у стеночки, наблюдают молча, усмеваются, покуривают, согнув плечи. Не нахожу другого слова — современные «курсистки». Иронические интонации и такая же точно трещинка в голосе (загадочная!), как у Теняковой.

Актриса выносит на всеобщее обозрение эту неясность, эти согнутые плечи и сигаретку. Может быть, есть за этим нечто, а может быть, за меланхолическим покуриванием — обыкновенная пустота? И тогда важно понять, откуда что происходит.

Описания игры Теняковой обычно исполнены восхищения ее природной театральностью. Один из первых критиков, написавших о Теняковой, Сергей Никулин, увидел в ее игре развитие петербургских традиций актерской школы XIX века.

Музыкальность, прозрачность, даже стеклянность — излюбленные определения ее таланта. Но тут музыка игры, на мой взгляд, служит не гармонии, а выявлению

смятенной природы. Ломкие контуры игры характеризуют настроение, даже умонастроения ее героинь. Не случайно она получила премию за свою Настю в спектакле «Счастливые дни несчастливому человеку». Теняковой доступен романтический экстаз и удивительное в людях. Даже их простота в ее игре предстает какой-то уникальной. Так она играет в постановке «Выпьем за Колумба!» роль проститутки Гали. В косыночке, ходит бочком, а лицо озарено мягким светом. Штрихи подсмотрены актрисой явно у знакомых своих, но как все талантливо преувеличено!

Индивидуальность может быть колючей, угловатой, ее не сразу примешь. Большинство героинь Теняковой пребывают в разладе между желаниями и реальностью. И потому игра кажется негладкой, странной, но странные противоречия жизни порой и формируют такую игру.

Актер — живая книга со своей темой. У Фрейндлих человек при любых условиях остается верным тонкому строю чувств в себе и черпает в той вере силы. Героиня Теняковой беззащитнее, не расчетливо открывается беде навстречу, ее драматические ушибы о косяки жизни пока не находят исцеления гармонией.

Когда Фрейндлих была уже очень известна, а Тенякова резко заявила о себе, в Ленинград возвратилась из Красноярского театра выпускница режиссерского факультета Лариса Малеванная.

У Малеванной простое, русское, худощавое лицо. Как будто усталое. Ее искусство знакомит нас с натурой стойкими и цельными, не раздираемыми противоречиями безвыходности. Спокоен и прост ее облик, дающий впечатление какой-то душевной ладности. Она не увлечена внутренними вывихами в человеке, которые так часто молодые актрисы выхаживают в своих персонажах и затем выгодно демонстрируют.

Я видел, как порой Малеванная вела роль так, будто ждала момента, чтобы лучше выразить жизнелюбность и лучезарность человека. Ее женское сердце оказывается выше невзгод. И ради этого «выше» актриса бывает нередко предельна, исчерпана в своих сценических переживаниях. Такой, сыгранной на пределе, ролью оказалась Катя в спектакле Геннадия Опокрова «С любимыми не расставайтесь». Катя у нее, по сути, сегодняшняя «фабричная девочка», и именно она оказывается единственной, кто принял любовь как настоящее, подлинное чувство, требующее жертвы и подвига.

И в новом спектакле «Саша Белова» на сцене Театра имени Ленинского комсомола Малеванная развивает свою актерскую тему.

Саша, молодой ученый, в глазах окружающих недопустимо упускает возможность для «творческого роста». А дело сложное — просто человек не взял близлежащее, благополучное, ему это не интересно, для него это безнравственно. Саша бросил работу по специальности, ушла от мужа Мити, отнеслась спокойно к чинам в науке. Коллеги перегоняют ее, а Саша, открытая и приветливая со всеми, вместе с тем кажется непонятной, отчужденной.

Но есть скрытая логика справедливости в ее поступках. Работа по специальности? Но ведь ценили Сашу за диплом, а не за голову и руки. Муж Митя? Вижу, как Саша входит в комнату и взгляд ее падает на Митю. Ах, как он увлечен решением технической задачи. И в общем любит ведь Сашу, ценит ее. Но вот человек в ней для него закрыт наглухо.

И Малеванная горько укоряет нас в своей игре, зовет присмотреться к людям. Наверное, вот так когда-то играла молодая Стрепетова. Страстное, правоочищающее искусство оставило о себе память в русском театре. И сегодня в наших театрах творят художники, идущие на сцену, как эта Саша в науку, чтобы сохранить «ощущение полета, движения», чтобы стать выше обстоятельств и трудностей. Малеванная — одна из таких художников.

Ей удалось показать и другое — какой ценой достается вот это ощущение полета, эта бескомпромиссность. И тут хочется сказать о диалектике характера, на которой настаивают Малеванная, драматург Игнатий Дворецкий, режиссер Опокрова. Реальная жизнь словно просачивается у Сашы сквозь пальцы, как песок. Потери чудовищно велики. Может быть, приди она в свою область науки вовремя, и открытие намного раньше перевернуло бы старые представления. Вовремя расстанься с Митей — испытала бы подлинное счастье. Но драматизм в том как раз, что Саша всюду приходит словно бы уже поздние сроки...

В женщинах Малеванной есть бескомпромиссность и максимализм, относящиеся уже больше к идеалу. Хотел было написать, что Малеванная и стремится раскрыть идеал, да поостережись, потому что как раз в лицах ее героинь есть «типичность», простота, обыкновенность.

У Малеванной человек жаждет открытий и преодоления.

У Теняковой он живет утонченно зыбкими, очень подвижными эмоциями, и в его обостренной чуткости таится свой урок.

...Фрейндлих приручает противоречия. Малеванная поднимает их до взрыва и тем разрешает их. Тенякова демонстрирует их зрителю — и в каждом случае имеется свой познавательный смысл.

У наших актрис драматизм и гармония сердца спорят в душах их героинь. Они ищут одну общую повесть: человек хочет любить и быть любимым.

Их мир утончен и музыкален. Но тут не безмятежное изящество, какое теперь порой встречается и подменяет нечто граждански истинное в театре. Речь о другом — о редких чувствах.

Ленинград — город строгих традиций русской актерской школы, здесь творили актеры-подвижники, мерившие искусство требовательной мерой гражданского служения народу. Здесь играли Савина, Комиссаржевская, Стрепетова. Актер — творец, он воплощает идеал. Наши актрисы — тоже в чем-то идеальные женщины. Талантливые. Необходимые людям. Вечно очарованные жизнью. Они ищут и находят драгоценные черты возвышенного в наших современниках.

Фото В. Плотникова.
ЛЕНИНГРАД.